ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Петровская церковь въ Новодвинскѣ.

ЛѢТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ тому назадъ, я изъ кандидатовъ на судебныя должности былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ Архангельскаго уѣзда. Пріѣхалъ я въ Архангельскъ въ началѣ зимы, и вскорѣ долженъ былъ поѣхать по дѣлу въ отдаленный посадъ, стоящій на берегу Бѣлаго моря.

Лѣтомъ ѣздятъ туда внизъ по Сѣверной Двинѣ и потомъ по морю въ большихъ лодкахъ, такъ называемыхъ «карбасахъ». Зимою же одну станцію ѣдутъ въ обыкновенныхъ саняхъ, а затѣмъ опять въ лодкѣ. Къ маленькой, узкой, длинной, плоскодонной лодочкѣ сзади надъ сѣдокомъ прикрѣпляется изъ просмоленнаго паруса будка, сѣдокъ садится, вытянувъ ноги, ямщикъ на дощечкѣ виситъ на носу, съ боковъ привязываются длинныя веревки, и три лошади цугомъ тащатъ васъ, не разбирая дороги, то по рѣкѣ, то по льду, замерзшему на разстояніи двухъ верстъ отъ берега моря. Печальная, невеселая, сѣверная картина. Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ! Съ одной стороны виднѣется вдали, сливающаяся съ туманнымъ горизонтомъ, вода, съ другой стоитъ занесенный со стороны моря глухою бѣлою снѣжною стѣною темный дѣвственный лѣсъ. Лошади проваливаются по колѣно, и мы еле тащимся. Ямщикъ объясняетъ, что ѣздятъ этимъ путемъ только въ хорошую погоду. Если случайно подымается вѣтеръ, тогда отъ снѣжной пыли нѣтъ спасенья, и приходится пробиваться сквозь бѣлую стѣну въ лѣсъ. Бывали случаи, что отсиживались въ ожиданіи хорошей погоды дня по три.

На разстояніи 20 верстъ отъ Архангельска, въ устьѣ рѣки, на островѣ, стоитъ выстроенная Петромъ I Новодвинская крѣпость. Былъ морозъ, я очень озябъ и поэтому съ удовольствіемъ принялъ предложеніе ямщика заѣхать погрѣться и выпить чая въ деревнѣ, расположенной около крѣпости.

Деревня состояла изъ нѣсколькихъ домовъ обычной на сѣверѣ архитектуры. Дома строятся деревянные, двухъэтажные. Внизу двѣ комнаты и хлѣвъ для скота. Вверху одна парадная комната съ буковыми стульями и клеенчатымъ диваномъ и сѣновалъ.

Въ парадной комнатѣ было холодно, какъ на дворѣ, и поэтому я рѣшился пить чай внизу, несмотря на жару и духоту отъ спертаго воздуха, пропитаннаго испареніями людей и животныхъ, такъ какъ дверь въ хлѣвъ была полуоткрыта, и въ нее поминутно просовывали голову то лошадь, то корова.

Глотая горячій чай, я разспрашивалъ о крѣпости и, вспомнивъ, что въ ней находится выстроенная при Петрѣ I церковь, попросилъ сводить меня туда.

Маленькій островокъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ невысокою гранитною стѣною, на которой нѣкогда грозно стояли пушки. При современномъ состояніи военнаго искусства укрѣпленіе это не можетъ представлять собою серьезной защиты, и потому совершенно заброшено. Посреди опоясанной гранитомъ площади одиноко и стройно высилась довольно высокая деревянная церковь. Другихъ построекъ не было. Стоялъ тамъ раньше такъ называемый «домикъ Петра», но и тотъ перенесенъ въ Архангельскъ.

Пока я шелъ въ крѣпость, проводникъ разсказывалъ, что деревня, или, какъ онъ называлъ ее, «фурштадтъ», состоитъ изъ 18 семействъ, потомковъ Петровскихъ бомбардировъ. Живутъ они на средства, добываемыя охотой и рыбной ловлей.

Но вотъ и церковь. Она построена Петромъ Великимъ въ 1702 г. во имя свв. апостоловъ Петра и Павла. Большой заржавленный ключъ заскрипѣлъ къ обитыхъ желѣзомъ дубовыхъ дверяхъ. Онѣ распахнулись, и мы вошли въ свѣтлую церковь, по постройкѣ и окнамъ ближе всего подходящую къ готическому стилю. Первое, что бросилось въ глаза, это въ скромномъ иконостасѣ изображенія Іисуса Христа и Богородицы. Это были не образа, а картины. Чудная живопись масляными красками на темносинемъ атласѣ сразу приковывала къ себѣ вниманіе. Имени художника не было. Проводникъ объяснилъ, что по преданію эти образа получены были Петромъ I изъ Италіи.

На одной изъ стѣнъ висѣлъ громадный почернѣвшій дубовый крестъ, собственноручной работы Петра Великаго.

— Здѣсь все подарки Петра. Здѣсь все старинное,—говорилъ мнѣ проводникъ.

Дѣйствительно, образа, утварь, книги, хоругви, облаченія, среди которыхъ выдѣлялись двѣ богатыя изъ кованнаго серебра бѣло-

снѣжныя ризы, все дышало стариной, все представляло громадный интересъ.

У меня не было времени, такъ какъ я засвѣтло долженъ былъ добраться до цѣли моего путешествія, а полуграмотный бомбардиръ не могъ дать точныхъ и вѣрныхъ объясненій. Поэтому я рѣшилъ для подробнаго осмотра церкви заѣхать въ другой разъ и повидаться со священникомъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я,—гдѣ живетъ священникъ?

— Верстъ тридцать отсюда въ сосѣднемъ селѣ.

— А часто ли бываетъ у васъ служеніе?

— Зимой одинъ разъ въ мѣсяцъ, лѣтомъ черезъ праздникъ. Зимой очень холодно. Трудно отслужить литургію, а выстоять на мѣстѣ просто невозможно. Печей нѣтъ. Много разъ уже дѣды и отцы просили поставить печь, да начальство не разрѣшаетъ.

— Почему?

— Опасаются, что въ печи отъ сильныхъ морозовъ появятся трещины, и произойдетъ пожаръ. Конечно, если бы печь сложили хорошо, если бы пріѣхалъ самъ архитекторъ, тогда опасаться было бы нечего. Да развѣ сюда къ намъ пріѣдетъ самъ господинъ архитекторъ? Поручитъ помощнику, а этотъ сдастъ подрядчику. А подрядчикъ о чемъ заботиться будетъ? Только о томъ, чтобы работа ему обошлась дешевле. Намъ это все хорошо извѣстно. Поэтому мы очень и не настаивали. Храмъ мы бережемъ, потому что и память царская, да и, упаси Господи, сгоритъ если, намъ другого ужъ не выстроятъ. Теперь вотъ мы недавно опять подали прошеніе. Архіерей у насъ новый, очень добрый, входитъ въ крестьянскія нужды, и мы полагаемъ, что на этотъ разъ разрѣшитъ намъ печь поставить. Только вотъ пріѣдетъ ли архитекторъ самъ?! Нельзя ли вамъ будетъ попросить губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, чтобы на этотъ случай непремѣнно архитекторъ пріѣхалъ?

Я обѣщалъ исполнить эту просьбу.

Возвратившись изъ поѣздки въ Архангельскъ черезъ нѣсколько дней, я при первой встрѣчѣ съ прокуроромъ существовавшаго тамъ еще уѣзднаго суда и соединенной палаты уголовнаго и гражданскаго суда заговорилъ по этому поводу.

— Ѣздилъ я, говорю, по дѣлу на слѣдствіе и по дорогѣ заѣхалъ осмотрѣть Новодвинскую крѣпость.

— Ну, и что же?!—перебилъ онъ меня:—вамъ произвели установленный салютъ?! По этому случаю я вамъ разскажу слѣдующій анекдотъ.

И разсказалъ.

— Въ крѣпости я видѣлъ замѣчательный памятникъ старины.

— Памятникъ старины? На этотъ предметъ есть еще лучшій анекдотъ.

Былъ разсказанъ и второй анекдотъ.

Наконецъ, мнѣ удалось таки разсказать о просьбѣ поселянъ и о томъ, какая предстоитъ опасность для церкви, если кладка печи будетъ произведена неудовлетворительно.

— Э-э-э! вотъ оно что! А сколько вамъ лѣтъ? Сколько лѣтъ вы на службѣ? Чего вы мѣшаетесь не въ свое дѣло? Видно, что не знаете татарскаго анекдота подъ названіемъ: «Скажи, пожалуйста, какой тебѣ дѣло!»... Извольте. Въ поученіе и назиданіе для васъ разскажу.

Прокуроромъ, хотя и не получившимъ высшаго образованія, но очень свѣдущимъ по части анекдотической, былъ и этотъ анекдотъ разсказанъ.

Я дѣйствительно былъ еще очень молодъ и не постигалъ еще вполнѣ служебныхъ дипломатическихъ отношеній мужду разными вѣдомствами. Совѣтъ прокурора не вмѣшиваться въ дѣло другого вѣдомства мнѣ казался здравымъ и практичнымъ, тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ успокоиться. Мнѣ казалось, что я совершу преступленіе, если буду молчать, и послѣдствіемъ этого молчанія будетъ гибель церкви.

При встрѣчѣ съ другимъ своимъ начальствомъ, предсѣдателемъ соединенной палаты уголовнаго и гражданскаго суда, я подробно разсказалъ ему о посѣщеніи моемъ Новодвинской крѣпости и ходатайствѣ поселянъ, добавивъ, что объ этомъ я передавалъ уже прокурору.

— А сколько вамъ онъ разсказалъ анекдотовъ и какіе именно?— спросилъ предсѣдатель.

Я передалъ.

— Да, онъ большой знатокъ анекдотовъ! — предсѣдатель задумался на минуту, а затѣмъ заговорилъ:

— А вотъ я вамъ разскажу, батенька, не анекдотъ, а истинное происшествіе.

Предсѣдатель былъ старый холостякъ и любилъ очень красно, картинно и длинно разсказывать истинныя происшествія.

О желѣзной дорогѣ къ Архангельску тогда еще никто не думалъ, газеты получались при хорошей дорогѣ на седьмой день, а при дурной на пятнадцатый, вслѣдствіе чего въ этомъ отрѣзанномъ отъ остальнаго свѣта городѣ время коротали либо за картами, либо за разсказами анекдотовъ и истинныхъ происшествій, такъ какъ служебнаго дѣла было мало, а свободнаго времени много.

Въ напутствіе предсѣдатель далъ мнѣ дружескій совѣтъ не вмѣшиваться безцѣльно въ дѣла административной и духовной власти.

Я благодарилъ за совѣтъ, однако мысленно рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ переговорить съ губернаторомъ.

Случай этотъ скоро представился. Губернаторомъ въ это время былъ отставной морякъ, прекрасный человѣкъ и большой хлѣбосолъ. Нѣсколько разъ въ теченіе года онъ устроивалъ у себя тан-

цовальные вечера, на которые приглашались и чины судебнаго вѣдомства.

На одномъ изъ такихъ вечеровъ, когда губернаторъ, какъ любезный хозяинъ, заговорилъ со мною, я поторопился разсказать ему о мучившемъ меня дѣлѣ.

— Знаю, знаю!—улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ губернаторъ.— Постараюсь устроить, какъ слѣдуетъ, и переговорю съ архіереемъ. А вы съ нимъ еще незнакомы? Съѣздите къ нему. Это замѣчательно умный человѣкъ, чудный проповѣдникъ, необыкновенно добрый и большой оригиналъ. Я вамъ разскажу, какой былъ съ нимъ случай.

Разсказанное происшествіе могло имѣть мѣсто только на сѣверѣ и находиться въ зависимости отъ условій климата и малонаселенности. Поэтому, прежде чѣмъ передавать разсказъ, необходимо въ поясненіе сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ жизни въ Мезенскомъ уѣздѣ, гдѣ этотъ случай произошелъ.

Уѣздный городъ Архангельской губерніи Мезень отстоитъ отъ Архангельска зимою на разстояніи 600 верстъ и лѣтомъ 900 верстъ. Объясняется это тѣмъ, что зимою идетъ ѣзда на саняхъ черезъ непроходимую тундру, которую лѣтомъ нужно объѣзжать кругомъ. За Мезенью опять тянется тундра, среди которой попадаются сухія лѣсныя площади, такъ сказать, оазисы, гдѣ и селятся крестьяне. Такіе поселки часто расположены одинъ отъ другого на десятки верстъ. Жители занимаются охотою на бѣлокъ, птицъ, горностаевъ и пр. Изъ этихъ поселковъ, состоящихъ иногда изъ нѣсколькихъ лишь домовъ, особенно ярые охотники уходятъ дальше и поселяются въ лѣсахъ въ полномъ одиночествѣ.

Одинъ изъ такихъ охотниковъ нашелъ себѣ подходящее мѣсто верстахъ въ 80 отъ большого села, выстроилъ себѣ избу и поселился въ ней вдвоемъ съ женой. На охотѣ онъ какъ-то простудился и слегъ. Пролежавъ нѣсколько дней въ бреду, онъ пришелъ въ сознаніе и просилъ жену съѣздить въ село за священникомъ. Когда онъ пріѣхалъ, охотникъ былъ еще живъ, но еле дышалъ. Напоила баба священника чаемъ, напоила и мужа, и послѣднему стало легче. Онъ пришелъ въ полное сознаніе, исповѣдывался и пріобщился Св. Тайнъ. На другой день священникъ сталъ собираться въ дорогу домой.

— Батюшка!—застоналъ больной:—не уѣзжай, пожалуйста. Чувствую, что смерть моя близка. Обожди моей смерти и похорони меня.

— Не стану скрывать отъ тебя, — отвѣтилъ священникъ:—что боленъ ты очень и, повидимому, смертельно, но когда смерть придетъ, одному Богу извѣстно. Можетъ быть, послѣ того, какъ ты сподобился пріобщиться Св. Тайнъ, ты и выздоровѣешь, если будетъ Богу угодно.

— Нѣтъ, батька, помираю... Худо мнѣ. Обожди.

— Не могу ждать. Кромѣ тебя, и другіе прихожане есть. Времени-то сколько потерялъ! Сюда тащился больше сутокъ, — высчитывалъ священникъ, — здѣсь провелъ другія. Пока доѣду — еще сутки. Нѣтъ, не могу, — рѣшительно заявилъ онъ.

— Ну, такъ, пріѣзжай похоронить меня сейчасъ же, какъ помру.

— Ты далеко живешь, лошаденка твоя плоха и устала, да и праздники близко. Обѣщать не могу. Поэтому, если на то будетъ воля Божья, и ты умрешь, пусть тебя баба зароетъ, а я со временемъ заѣду и отслужу панихиду.

Задумался больной.

— Очень мнѣ хочется, батюшка, чтобы тѣло было предано землѣ по христіанскому обряду, какъ слѣдуетъ... Сколько ты возьмешь, чтобы опять сейчасъ пріѣхать хоронить? — категорически спросилъ больной.

— Меньше пяти рублей не могу. Надо будетъ лошадь нанять!

— Что ты?! что ты?! — крикнулъ больной.

Отъ волненія ему стало хуже, и онъ впалъ въ безпамятство. Священникъ остался. Черезъ часъ больному стало лучше, и онъ опять вступилъ въ переговоры. Священникъ былъ непоколебимъ и рѣшительно собрался уѣзжать. Баба пошла запрягать лошадь.

Больной долго молчалъ и наконецъ предложилъ священнику такую комбинацію. Онъ увѣренъ, что умретъ на-дняхъ, и священникъ, повидимому, соглашается съ этимъ. Очень возможно, что онъ умретъ тотчасъ же послѣ отъѣзда батюшки. Пока возвратится жена и опять поѣдетъ за нимъ, пройдетъ нѣсколько дней, а тѣло все будетъ лежать безъ погребенія. Поэтому въ виду того, что онъ уже умирающій, больной спросилъ священника, не найдетъ ли онъ возможнымъ, получивъ еще 2 рубля, теперь же прочитать надъ нимъ отходную да и похоронныя молитвы сразу.

Священникъ не соглашался. Баба присоединилась къ просьбамъ мужа.

Больному между тѣмъ становилось все хуже и хуже. Языкъ его сталъ заплетаться. Внезапно онъ замолчалъ, вытянулся и посинѣлъ. Тогда священникъ, уступая просьбамъ бабы, прочиталъ надъ нимъ отходную.

Черезъ нѣкоторое время у неподвижно лежавшаго охотника опять показались признаки жизни.

Священникъ уѣхалъ. Прошелъ мѣсяцъ, и онъ былъ увѣренъ, что больной умеръ, какъ вдругъ является къ нему охотникъ живой и требуетъ возвращенія 2 рублей.

— За то, что ты пріѣзжалъ ко мнѣ, ты получилъ рубль. Два же рубля ты получилъ за отпѣванье. А такъ какъ я остался живъ, эти два рубля ты мнѣ обязанъ возвратить, — доказывалъ онъ.

Священникъ не внялъ этимъ доводамъ и два рубля возвратить отказался.

Черезъ годъ случилось этому крестьянину прибыть съ обозомъ дичи въ Архангельскъ. Онъ тотчасъ же отправился къ архіерею съ жалобой на священника. Выслушалъ его архіерей, побесѣдовалъ съ нимъ и отдалъ ему два рубля. Затѣмъ вызвалъ къ себѣ въ Архангельскъ священника. Узнавъ отъ послѣдняго, какъ тяжела и бѣдна священническая жизнь среди непроходимыхъ тундръ и невѣжественныхъ прихожанъ, архіерей пожурилъ священника и, взявъ съ него обѣщаніе не читать на будущее время отходной надъ живыми людьми, отпустилъ его съ миромъ въ ту же тундру.

Время шло своимъ чередомъ. По дѣламъ мнѣ не приходилось ѣхать въ сторону Новодвинской крѣпости, и я совершенно о ней забылъ. Вдругъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, я получаю отъ мѣстнаго станового пристава увѣдомленіе, что церковь въ Новодвинской крѣпости сгорѣла до основанія отъ неизвѣстной причины.

Я немедленно отправился туда. Увы! Вмѣсто гордо высившейся церкви среди гранита лежало нѣсколько обуглившихся бревенъ, уголь и длинная кирпичная печь.

— Какъ вы думаете, — спрашиваю поселянъ свидѣтелей: — отчего могъ произойти пожаръ?

— Да, должно быть, отъ печи. Другихъ никакихъ причинъ и быть не могло. Въ субботу вечеромъ печь истопили. Въ воскресенье утромъ была служба, а ночью церковь сгорѣла. Когда проснулись отъ сильнаго свѣта и добѣжали до крѣпости, вся церковь была уже въ огнѣ, и спасти ничего уже нельзя было. Надо думать, что отъ сильныхъ морозовъ трещина въ печи образовалась.

Собравъ понятыхъ, я тщательно осмотрѣлъ никѣмъ не тронутый послѣ пожара кирпичъ. Внизу печь была хорошо сложена, крѣпко держалась, и трещинъ никакихъ не было. Кирпичи отъ трубы хотя и лежали рядомъ, но были отдѣлены одинъ отъ другого. Какъ бы ни было сильно паденіе трубы, при которомъ она разсыпалась, все-таки нѣсколько кирпичей должны же были остаться между собой скрѣпленными цементомъ. Послѣдняго-то и не было замѣтно. Повидимому, между кирпичами была простая известь, перегорѣвшая въ огнѣ. Какъ я, такъ и понятые, послѣ осмотра пришли къ одному заключенію о причинѣ пожара. Труба была дурно сложена, цемента положено было мало, отъ усиленной топки, во время морозовъ, известь между кирпичами перегорѣла, и сквозь образовавшуюся трещину пламя обуглило прилегавшую къ ней балку, которая затлѣлась и загорѣлась.

— А что же, пріѣзжалъ архитекторъ?—спросилъ я, вспомнивъ опасенія поселянъ.

— Нѣтъ. Наѣзжалъ одинъ разъ помощникъ его. Указалъ подрядчику, да и уѣхалъ. Подрядчикъ привезъ рабочихъ, далъ имъ матеріалъ и тоже уѣхалъ. При кладкѣ печи рабочіе говорили, что цементу маловато. Когда печь была готова, пріѣзжалъ смот-

рѣть подрядчикъ. Глядѣли и мы. Печь, кажись, ничего. Топилась хорошо...

Возвратившись въ Архангельскъ, я пригласилъ архитектора въ качествѣ эксперта и предложилъ ему поѣхать со мной для осмотра. Экспертъ представилъ письменную экспертизу, въ которой заявилъ, что въ виду имѣющагося точнаго и нагляднаго протокола ѣхать на мѣсто происшествія для повторенія осмотра не представляется надобности, и затѣмъ изъ всего произведеннаго слѣдствія вывелъ заключеніе, что пожаръ произошелъ отъ трещины, образовавшейся при топкѣ во время сильныхъ морозовъ, т.-е., по его мнѣнію, отъ естественной причины. Что же касается того обстоятельства, на которое особенно напираетъ протоколъ осмотра, что кирпичи были плохо связаны цементомъ, то это только доказываетъ, что печь клала опытная рука, знакомая съ условіями климата сѣвера, такъ какъ, чѣмъ меньше цемента между кирпичами въ печи, тѣмъ она упорнѣе можетъ противостоять разрушительному дѣйствію мороза.

Я не согласился съ мнѣніемъ эксперта и отправилъ дѣло на заключеніе строительнаго отдѣленія губернскаго правленія. Послѣднее нашло экспертизу вполнѣ обоснованной и правильной.

Дѣло соединенною палатою было прекращено за отсутствіемъ признаковъ какого либо преступленія.

Такимъ образомъ исчезла съ лица историческая церковь, одинъ изъ немногихъ памятниковъ Петровской эпохи.

Кто былъ правъ? Кто былъ виноватъ? Не знаю. Только несомнѣнно, правы были крестьяне, когда они, подавъ прошеніе о разрѣшеніи поставить въ церкви печь, задумывались о томъ, какъ бы имъ въ концѣ концовъ не остаться совершенно безъ церкви.

М. Ч.